

Е.А. АНТЮХОВА, В.И. КОННОВ*

**ЦЕЛИ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ОЭСР
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
НЕОГРАМШИАНСКИЙ АНАЛИЗ¹**

Аннотация. Предмет рассмотрения настоящей статьи – инновационная политика, которая, по сути, представляет собой изобретение эпохи глобализации и как таковая опирается, главным образом, на созданные в международных организациях образцы. Инновационная политика разрабатывалась, в первую очередь, в Организации экономического сотрудничества и развития. Влияние ОЭСР в этой и других сферах предопределялось тем, что эта организация, изначально выступавшая как блок наиболее благополучных стран, могла оказывать влияние на отдельные государства через перспективы присоединения к ней, которое рассматривалось как приобретение привилегированного статуса. Одновременно инновационная политика с самого начала была связана с интересами стран, продвигавших новое глобальное мироустройство. Однако к настоящему моменту глобализация больше не воспринимается как оптимальный путь развития и мир все четче разделяется на сторонников и противников данной модели мироустройства. Очевидно, что этот конфликт разворачивается не только в межгосударственном поле, но и внутри стран, создавая во многих из них внутривнутриполитическое напряжение.

---

* **Антюхова Екатерина Андреевна**, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры мировых политических процессов, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия), e-mail: e.antukhova@gmail.com; **Коннов Владимир Иванович**, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии им. А.Ф. Шишкина, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия), e-mail: v.konnov@inno.mgimo.ru

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-78-10093.

В настоящей статье предполагается проследить, каким образом инновационная политика воспринимается в этой новой ситуации. Если в предшествовавшие десятилетия она выступала частью некоего интеллектуального мейнстрима, принимаемого на уровне правительств большинства стран, то теперь гораздо отчетливее проступают заложенные в ней партикулярные интересы. Отследить эти изменения позволяют документы ОЭСР, которые в последние годы стали значительно более конфронтационными по тону. Эти изменения предлагается оценить с позиций международной политэкономии, одну из главных ролей в которой играет грамшианская модель гегемонии как формы организации политэкономического порядка. Ее преимущество заключается в том, что она дает возможность рассматривать в рамках одной модели одновременно и межгосударственные и межклассовые отношения, разворачивающиеся в глобальном поле, и при этом учитывать экономические, политические и культурные аспекты этих отношений.

Ключевые слова: инновации; инновационная политика; экономика знаний; интеллектуальная история; международная политическая экономия.

Для цитирования: Антюхова Е.А., Коннов В.И. Цели инновационной политики ОЭСР на современном этапе: неограмшианский анализ // Политическая наука. – 2024. – № 4. – С. 217–240. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.04.09>

Любая политическая программа служит определенным экономическим интересам – данное утверждение очевидно и вряд ли способное вызвать споры среди политологов. Принятие программы, предполагающей перераспределение средств за счет налогообложения, субсидирования, заключения договоров и т. п., по определению подразумевает наличие заинтересованных в ней групп и, соответственно, тех, для кого она несет угрозу убытков или сокращения возможностей. Но хотя это и кажется очевидным, в анализе научнотехнической и инновационной политики преобладают работы, принимающие буквальную интерпретацию данных видов политики как осуществляемых в интересах той или иной страны в целом. Понятно, что именно так это пытаются подать авторы и лоббисты той или иной программы, но политические меры по определению представляют собой компромиссы, предполагающие обмен интересов и неизбежно ведущие к появлению какой-то группы проигравших. Конечно, возможна ситуация, когда эти компромиссы, хотя и ущемляют какие-то частные интересы, тем не менее работают на рост общего благополучия, однако, по крайней мере для научнотехнической и инновационной политик последних десятилетий, которым редко удается достичь официально заявленных целей, такие ситуации явно не являются характерными.

Предмет рассмотрения настоящей статьи – инновационная политика, представляющая собой изобретение эпохи глобализации и опирающаяся главным образом на созданные в международных организациях образцы. И если в проектировке финансовой политики главную роль играл Международный валютный фонд, а экономической – Всемирный банк, то инновационная политика разрабатывалась, в первую очередь, в Организации экономического сотрудничества и развития. Институты этого ряда приобрели в 1990-е годы роль регуляторов глобальной экономики, и несоблюдение внедряемых ими норм фактически перекрывало любому государству доступ к преимуществам, связанным с участием в общемировом экономическом процессе. В поле же инновационной политики ОЭСР обладала, возможно, даже большим влиянием, чем политически более мощные МВФ и ВБ в своих зонах ответственности: инновационная политика создавалась в эту эпоху практически с нуля и у внедряемых ОЭСР образцов не было значимых альтернатив. Сама же организация, изначально выступавшая не как всемирное объединение, а как блок наиболее благополучных стран, могла оказывать влияние на отдельные государства через перспективы присоединения к ней, которое рассматривалось как приобретение привилегированного статуса. Соответственно, инновационная политика продвигалась, во-первых, как новшество эпохи глобализации, исходно связанное с этим процессом, а во-вторых, как изобретение блока стран, победивших в холодной войне (ОЭСР еще с момента создания имела репутацию «экономической НАТО» [Schmelzer, 2016, p. 43]). Таким образом, инновационная политика с самого начала была связана с интересами государств, продвигавших новое глобальное мироустройство – процессом, который хотя и рассматривался в 1990-е зачастую как безальтернативный и в целом способствовавший всемирному благосостоянию, тем не менее наносил ущерб определенным странам и группам.

К настоящему моменту ситуация в корне изменилась: глобализация больше не воспринимается как оптимальный путь развития, мир все четче разделяется на сторонников и противников мироустройства, господствовавшего последние тридцать лет, а взаимоисключающие интересы этих групп проявляются с трагической отчетливостью. Однако черту между сторонниками и противниками глобализма неоправданно проводить только по геогра-

фическим линиям. Очевидно, что этот конфликт сложнее и развивается не только в межгосударственном поле, но и внутри стран, нередко создавая взрывоопасное напряжение и во внутренней политике.

В настоящей статье предполагается проследить, каким образом инновационная политика воспринимается в этой новой ситуации. Если в предшествовавшие десятилетия она выступала продуктом некоего мейнстрима, принимаемого, по крайней мере на уровне правительств большинства стран, то теперь гораздо отчетливее проступают партикулярные интересы, продвижение которых составляют цель данного направления политического регулирования.

Теоретические основания

Отследить отмеченные выше изменения позволяют документы ОЭСР последних лет, которые стали по тону значительно более конфронтационными. Оценить их предлагается с позиций исследовательского направления международной политэкономии, определяющую роль в котором играет грамшианская модель гегемонии как формы организации политэкономического порядка. В основе данной модели лежат работы Антонио Грамши, в первую очередь «Тюремные тетради» [Грамши, 1959; 1991], однако применение данной модели к конфигурации международных отношений состоялось в работах С. Гилла, Р. Кокса, К. Ван дер Пейла и др. [Gill, 1993; Cox, 1996; Van der Pijl, 1998; Pass, 2019]. Ценность «неграмшианского» подхода заключается в том, что он дает возможность рассматривать в рамках одной модели и межгосударственные, и межклассовые отношения, складывающиеся в глобальном поле, и при этом учитывать одновременно экономические, политические и культурные линии этих отношений.

Грамшианское понимание гегемонии подразумевает власть, осуществляемую правящим классом с опорой на согласие управляемых классов, но при сохранении способности принуждать к повиновению. В целом под гегемонией понимается некоторое естественное состояние стабильного общества – очевидно, что власть, опирающаяся исключительно на насилие, добиться стабильности не может. Ни один класс не может обеспечить такое состояние самостоятельно и для этого необходима коалиция – «исторический

блок», как обозначает ее Грамши. Эта коалиция должна охватить все основные классы – применительно к капиталистической формации капитал должен кооптировать, по крайней мере, часть «старых» привилегированных классов (землевладельческих, военных, бюрократических) и одновременно трудовых классов – промышленного и земледельческого. Но особую роль в формировании «блока» играют интеллектуалы, которых Грамши характеризовал как особую страту, выделяющуюся в составе каждого экономически значимого класса и артикулирующего его интересы. И задача интеллектуальной страты любого поднимающегося класса – перевести его мировоззрение из «экономико-корпоративной» фазы, подразумевающей выражение классовых интересов, в «этико-политическую», отражающую баланс интересов между классом, претендующим на господство, и другими группами. При этом под интеллектуалами Грамши подразумевал не только создателей интеллектуальной продукции, занятых в основном интерпретациями действительности, а по большому счету всю вовлеченную в политику часть класса, которая не только создает схемы политических конструкций, но и добивается их осуществления. Таким образом, гегемония образуется не столько благодаря определенной идеологии, которой удается представить интересы правящего класса как общие, а благодаря политическим и экономическим соглашениям, которые находят свое выражение в культуре в качестве представлений, защищаемых с помощью различных видов риторики, в том числе путем позиционирования их как не имеющих рациональных альтернатив [Грамши, 1959; Salamini, 2014].

Методология

Предметом рассмотрения настоящей статьи являются документы ОЭСР, нацеленные на формирование образцов инновационной политики. Сюда входят документы, создающие нормы, как Руководство Осло и Руководство Фраскатти, и программные документы, главными среди которых остаются выпуски серии «Перспективы науки, технологий и инноваций», издаваемые ОЭСР каждые два года. Возможность же оценить процесс подготовки этих документов дает литература, посвященная механизмам и политической истории

ОЭСР, которая значительно расширилась за последнее десятилетие [Carroll, Kellow, 2021; Schmelzer, 2016; Woodward, 2022].

Методологически настоящее исследование можно отнести к направлению интеллектуальной истории. В этом смысле оно ориентируется на технику, сформированную кембриджской школой [Кембриджская школа..., 2018; Skinner, 2002], которая исходит из того, что любое публичное высказывание, в том числе позиционируемое как научное и строго нейтральное, представляет собой социальное действие, осуществляемое в определенном политическом контексте. Однако в настоящей статье главным предметом рассмотрения являются не произведения индивидуальных авторов, которые составляют основной предмет анализа интеллектуальной истории, а издания, вышедшие в свет за авторством международной организации, в которых отчетливее проступают некоторые консолидированные интересы. Данные интересы отражают уже не столько позицию класса, от лица которого может выступать принадлежащий к нему индивидуальный автор, а позицию исторического блока, уже обладающего достаточным влиянием, чтобы определять направление работы международных институтов. В этом смысле исследование тяготеет к подходу Э. Лакло и Ш. Муффа, в рамках которого политический текст рассматривается не только как отражающий интересы, но также как способный вызывать их к жизни силой «артикуляции», которая представляет собой «любую практику, устанавливающую отношения между элементами таким образом, что их идентичность изменяется в результате применения артикуляционной практики» [Laclau, Mouffe, 2001, p. 105]. В результате интересы групп могут меняться таким образом, чтобы сделать возможным их включение в «исторический блок» и, благодаря этому, текст становится не только отражением существующих экономических и иных интересов, но и практикой их изменения, которая необходима историческому блоку как в момент возникновения, так и для того, чтобы сохранить свое положение. В качестве примера артикуляционной практики, нацеленной на сохранение существующего альянса, и рассматриваются документы ОЭСР, посвященные инновационной политике.

Исторический блок и инновационная политика

Исторический блок, создавший и продвигавший гегемонию, которую можно условно обозначить как неолиберальную, сложился в 1980–1990-е годы. В 1970-е западный производственный сектор столкнулся с затяжной стагнацией, ознаменовавшей завершение последнего этапа мировой индустриализации, который начался после окончания Второй мировой войны. Данный этап включал послевоенное восстановление промышленного потенциала, а также проникновение западной промышленной продукции на все рынки мира. Сокращение возможностей извлекать прибыль из производства ослабляло позиции промышленных корпораций, а концентрация капитала в наиболее ликвидной денежной форме создавала условия для роста влияния финансовых организаций. Последние более не могли рассчитывать на расширение доходов от производства, но при этом оставались ограниченными в возможностях извлекать прибыль другими способами в силу установленного историческим блоком послевоенного периода кейнсианского порядка, работавшего на перенаправление средств в пользу производственного капитала и организованного труда. В результате стагнации производственные корпорации теряют роль ведущей силы исторического блока и вместе с ними утрачивает свои позиции органическая интеллигенция этой группы – интеллектуалы и служащие, обеспечивающие взаимодействие профсоюзов, производственных корпораций и правительства.

Новый блок, складывающийся вокруг финансового капитала, который усилился за счет десятилетий мирового лидерства западных экономик, отчасти компенсирует общественные потери от ослабления гражданского производства за счет усиления военно-промышленного комплекса, который может обеспечить рабочие места и который к тому же способен своим участием придать четкую идейную направленность осуществляемой политической трансформации. Это нашло выражение в переходе западного блока от «разрядки» к новому витку холодной войны, которая теперь должна была вестись буквально, по рейгановскому выражению, против «империи зла». И что немаловажно, в новых условиях ВПК был способен обеспечить высокий уровень прибыли на капитал.

Органическими интеллектуалами этого блока в свою очередь выступают те, кто ранее был вытеснен из интеллектуального

мейнстрима ведущих университетов. Экономисты, оформившие рейгановский блок, опирались либо на немногие, выбивающиеся из «кейнсианского консенсуса» учебные учреждения, главным среди которых был Чикагский университет, либо на созданные в 1970-е консервативные интеллектуальные центры, такие как Фонд «Наследие» и Институт Катона.

Именно в этот период как альтернатива научно-технической политики появляется инновационная политика. Ее теоретической основой служит теория «национальных инновационных систем», созданная авторами, центральное место среди которых принадлежит экономистам К. Фриману и Б.-А. Лундваллу, чья работа была тесно связана с ОЭСР [Freeman, 1982; Lundvall, 1985]. Политический смысл теории заключался в том, чтобы перенести основной центр приложения государственной поддержки технологического развития из научно-исследовательских организаций в коммерческие фирмы. Как альтернативу модели, в которой новые технологии – атомные, лазерные, радарные и др. – создавались в пределах научного комплекса, субсидируемого государством, а затем превращались в коммерческие продукты частными предприятиями, Фриман, Лундвалл и др. выдвигают взгляды классика экономической теории Й. Шумпетера, который полагал, что ключевая роль в перестройке системы рынков, составляющей главный экономический эффект технологического прогресса, принадлежит не изобретателю, а предпринимателю, создающему экономически эффективные инновации [Schumpeter, 1983]. Только благодаря этому изобретения попадают в социально-экономический оборот. Смысл же новой инновационной политики заключался в улучшении условий для инвесторов благодаря переложению части расходов по созданию инновационной продукции на государство.

Однако в начале 1990-х годов происходит политический перелом, отмеченный неожиданной победой на американских выборах 1992 г. Билла Клинтона, который сумел обойти вполне успешного действующего президента Джорджа Буша. С точки зрения изменений в историческом блоке этот поворот ассоциировался с ослаблением военного крыла рейгановского блока, которое не сразу смогло найти убедительное обоснование сохранению своего привилегированного финансового положения на фоне завершения холодной войны и к тому же зашло в тупик в своих технологических разработках: главную неудачу военные разработчики потер-

пели в области противоракетной обороны – несмотря на колоссальные затраты, надежной защиты от массовой ракетной атаки так и не удалось создать.

Одновременно после завершения холодной войны усиливается положение университетской интеллигенции, которая активно участвует в создании новой высокоприбыльной отрасли – электронной. Ее характерной особенностью был чрезвычайно короткий шаг между исследованиями и коммерческой продукцией: в создании всех главных составляющих новой отрасли – алгоритмов, языков программирования, математических решений и т.п. – грань между исследовательской работой и производством была практически неразличимой. Более того, главные затраты новой отрасли были сосредоточены на привлечении высококвалифицированных работников, в подавляющем большинстве университетских выпускников, подготовка которых осуществлялась за счет государства, самих университетов или же за счет образовательных кредитов, но никак не за счет компаний электронного сектора. Таким образом его изначальным преимуществом была возможность осуществлять исследования и разработки, а также подготовку кадров за счет ресурсов некоммерческого университетского сектора.

И именно в переплетении электронной отрасли, университетского некоммерческого сектора и финансового капитала складывается новый исторический блок. Определяющая роль в нем сохраняется за финансовым капиталом, который занимает все большее место в экономике западных стран и, соответственно, наращивает политическое влияние. Его главный интерес – в возможностях высокоприбыльного инвестирования, которые могут быть обеспечены в том числе технологическими прорывами. Однако значительная часть сверхприбыли, которую дает электронная индустрия, вытекает из возможности переложить весомую часть расходов на некоммерческий научный сектор. И именно та часть научного сообщества, которая вовлечена в этот процесс, выступает в роли новых «органических интеллектуалов», вытесняющих с центральных позиций неолибералов 1980-х годов.

Важно подчеркнуть, что это лишь часть университетского сообщества. Речь идет о той его составляющей, которая оказалась в преимущественном положении в условиях преобразования работы университетов под запросы инфокоммуникационного сектора, итогом которого стала модель «академического капитализма».

Суть этой модели заключается в переводе университетов, формально сохраняющих некоммерческий статус, в квазикommerческий режим, при котором приоритет получают виды деятельности, позволяющие извлекать прибыль [Slaughter, Rhoades, 2009]. Этот режим наиболее выгоден ученым, которые работают в специальностях, близких к технологиям и позволяющих получать практически значимые результаты, которые легко оформляются как объекты интеллектуальной собственности. Эталоном в этом смысле является информатика, где главный продукт – программы – становится собственностью с момента создания и может быть моментально размножен для продажи. Схожим образом срабатывают и некоторые другие направления, в первую очередь биотехнологии, но также и исследования в области материаловедения, энергетики и др.

Продвижение этой модели означает сворачивание установившейся с 1940-х годов схемы поддержки исследований, которая предполагала распределение средств самими учеными, представленными в научных советах и фондах, как государственных, так и частных, исходя из соображений научного развития как такового без необходимости учитывать перспективы техники и промышленности. Смысл такого подхода заключался в том, чтобы избавить науку от необходимости следовать коммерческой логике, ставящей во главу угла окупаемость вложений, и таким образом обеспечить для ученых среду, в которой они могли бы свободно отрабатывать перспективные идеи, не обещающие быстрой отдачи. Эта схема хорошо вписывалась в кейнсианскую экономику, и, с точки зрения интеллектуальной истории, показательным является то, что в подготовке ключевого для этой модели доклада «Наука: бесконечная передовая» [Bush, 1960] одну из главных ролей сыграл наиболее влиятельный американский кейнсианец П. Самуэльсон [Barnett, Samuelson, 2004]. Но по мере ослабления кейнсианского исторического блока поддержка науки все больше пересматривалась в пользу практически обоснованных исследований. Для коммерческого сектора в этом был прямой интерес, так как прикладные исследования, получающие государственную поддержку, фактически создавали для него возможность бесплатной эксплуатации научного комплекса в своих интересах.

Инновационная политика в ОЭСР. Руководство Осло

В рамках понимания, сложившегося в конце 1980-х годов, инновационный процесс рассматривался как осуществляемый с целью создания новых осязаемых продуктов. И именно такой подход был зафиксирован в первом инструктивном документе ОЭСР, посвященном инновационной политике – в «Методических рекомендациях по сбору и интерпретации данных о технологических инновациях», утвержденных в 1992 г. и известных по городу, в котором они были приняты, как Руководство Осло. В документе выделялись два типа инноваций – «продуктовые» и «процессные»: первые относятся к изменениям в технологической продукции, вторые – в производственном процессе¹. Однако официальное утверждение руководства состоялось в иной ситуации, нежели та, в которой этот документ разрабатывался. Предложенная в нем логика поддержки инноваций слабо соответствовала потребностям электронной индустрии, и в ОЭСР практически сразу начинается работа над новой редакцией, которая принимается в 1997 г. В нее, в частности, было включено положение о том, что инновациями признаются любые изменения в продукте или производственном процессе, которые являются новыми для данной фирмы². Благодаря этому в данную категорию попадала любая «компьютеризация» деятельности, что, конечно, способствовало распространению компьютерной продукции, как оборудования, так и программного обеспечения.

В третьей редакции руководства понятие инновации расширяется еще существеннее и теперь определяется следующим образом: «Введение в употребление какого-либо нового или значительно улучшенного продукта (товара или услуги) или процесса, нового метода маркетинга или нового организационного метода в деловой практике, в организации рабочих мест или во внешних связях»³. При этом целью таких инноваций может быть, помимо

---

¹ OECD. Proposed guidelines for collecting and interpreting technological innovation data. Oslo manual. – Paris: OECD, 1992. – P. 10.

² OECD. Proposed guidelines for collecting and interpreting technological innovation data. Oslo manual. 2nd edition. – Paris: OECD, 1997. – P. 28.

³ Руководство Осло. Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям. Третье издание. – М.: ЦИИИ, 2006. – С. 55.

«изменений, влияющих на эффективность фирмы», «накопление знаний»¹.

С точки зрения «артикуляции» по Лакло и Муф [Laclau, Mouffe, 2001], очертания обновившегося за 1990-е годы исторического блока проступают здесь еще отчетливой. Маркетинг и корпоративная организация, специально выделенные в определении, явно лежат за пределами технологических усовершенствований, которые исходно являлись главной целью инновационной политики. Но в начале 2000-х годов две эти отрасли представляют собой рынки, которые как раз начинает осваивать электронный сектор путем «цифровизации» самых разных деловых процессов. Однако более существенным является включение в определение в качестве возможного результата инновации создание «внешних связей» и рассмотрение в качестве возможного результата инновации «накопления знаний». Под «внешними» понимаются структуры за пределами коммерческого сектора, в первую очередь, научные, производящие знание, которое теперь может рассматриваться как аналог капитала – его приобретение уравнивается с ростом «эффективности фирмы», т.е. прибыльности.

Если же смотреть на эту схему с точки зрения международной политэкономии, то за такой версией инновационной политики отчетливо видно продвижение интересов стран – членов ОЭСР. К 2000-м гг. они столкнулись с постепенной утратой своих преимуществ в области высокотехнологичного производства и одновременно с собственной деиндустриализацией – мировое производство все больше перераспределялось в пользу стран, обладавших избытком трудовых ресурсов, в первую очередь, в пользу Китая. Основные преимущества ОЭСР оказались сконцентрированы в секторе услуг – приток средств все в большей степени обеспечивался банками, медициной, образованием, культурной индустрией. И значительная часть этого «экспорта», в частности медицина и образование, функционировали на некоммерческой основе, соответственно, не имея возможности претендовать на поддержку по линии инновационной политики. И изменения были направлены на включение организаций с таким статусом в ее поле.

---

¹ Руководство Осло. Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям. Третье издание. – М.: ЦИСН, 2006. – С. 15.

Актуальная на сегодняшний день четвертая редакция руководства, изданная в 2018 г., продолжает курс на расширение понятия инновации: теперь вместо двух специально выделенных нетехнологических разновидностей инноваций – организационных и маркетинговых – вводится общая категория «инноваций в бизнес-процессах», которые могут затрагивать любое направление деятельности предприятия¹. При этом сохраняется критерий создания «добавленной стоимости»². Если же учитывать, что эта норма сочетается с положением, предусматривающим в качестве основного субъекта инноваций «единицу» как коммерческую организацию, по определению представляющую капитал, то общий смысл инноваций заключается в увеличении прибыли на капитал. Одновременно данная редакция руководства «предлагает концептуальную основу и общее понятие инновации, применимые ко всем секторам экономики»³, «артикулируя» таким образом прямую заявку на то, чтобы именно такое понимание продвигалось «гегемонией».

«Перспективы науки, технологий и инноваций»

С еще большей отчетливостью интересы исторического блока, которые выражает инновационная политика, артикулируются в периодических изданиях ОЭСР, призванных реагировать на текущую ситуацию, в первую очередь в «Перспективах науки, технологий и инноваций». В этом смысле выпуск 2021 г. был ожидаемо выстроен вокруг проблем пандемии COVID-19. В ходе пандемии обозначенный выше исторический блок оказался под двойным ударом: с одной стороны, ему предъявлялись претензии в низкой эффективности реагирования на угрозу, с другой – в манипулировании кризисом в интересах входящих в него групп. Последнему обвинению в немалой степени способствовало политическое обострение в США, которое сказалось на принятии решений о реагировании на новое заболевание. Администрация президента Трампа исходно предпринимала попытки переформатировать сложивший-

---

¹ OECD. Oslo Manual 2018: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation, 4th Edition.— Paris: OECD, 2018. – P. 20.

² Ibid. P. 47.

³ Ibid. P. 22.

ся исторический блок с опорой на ресурсодобывающий (меры, способствовавшие превращению США в главного мирового экспортера нефти и углеводородных ресурсов в целом¹) и промышленный сектор (торговые ограничения против Китая, нацеленные на защиту американских производителей²). В ходе же кризиса ею была предпринята попытка кооптировать в новую конфигурацию фармацевтические корпорации, получившие гигантские субсидии, и электронные компании, против монопольного положения которых, существенно усилившемуся в ходе локдаунов, не принималось никаких мер, при одновременном сокращении роли федеральной бюрократии – в форме борьбы с «глубинным государством». Эта попытка потерпела крах: бюрократия, электронные гиганты и медицина, характеризующаяся тесным переплетением бизнес- и бюрократических интересов, выступили против администрации Трампа единым фронтом, что особенно ярко проявилось в ходе президентских выборов 2020 г. И именно позиции этого фронта, включающего, в том числе, и служащих международных организаций, интересам которых открыто угрожала трамповская администрация, получили выражение в «Перспективах» 2021 г. Фактически в них представлен план консолидации блока в сфере научной и инновационной политики на фоне кризиса.

Перечень выделенных в выпуске главных вопросов деятельности научных организаций и ученых открывается проблемой приоритетных исследовательских направлений. Расширение поддержки «приоритетных направлений» прямо означает дальнейшее сворачивание защищенной от рыночного давления фундаментальной науки и отвечает интересам коммерческих отраслей, в первую очередь электронной и фармацевтической, значительно усиливших свое положение в историческом блоке в период пандемии.

Два других вопроса, которые касаются публикации научных результатов, соответствуют заинтересованности коммерческих корпораций в максимально быстром получении научных данных.

---

¹ Rapier R. Did the U.S. become the world's top oil producer under President Trump? // Forbes. – 29.09.2020. – Mode of access: <https://www.forbes.com/sites/rapierr/2020/09/29/did-the-us-become-the-worlds-top-oil-producer-under-president-trump/?sh=1e4ac60c20dd> (accessed: 21.04.2024).

² Swanson A. Trump's Trade War With China Is Officially Underway // The New York Times. – 05.07.2018. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2018/07/05/business/china-us-trade-war-trump-tariffs.html> (accessed: 21.04.2024).

Речь идет о расширении «сложившихся в связи с COVID-19 практик распространения исследовательских результатов» и об «усилении движения за открытую науку»¹. Обе меры предполагают перераспределение контроля над публикацией результатов от издательских корпораций, которым принадлежат научные журналы, к интернет-монополистам. Фактически же речь идет о сокращении влияния рецензирования, институционализацию которого, по сути, и представляют собой редакции научных журналов, а значит, и научных дисциплин, в рамках которых группируются журналы и которые представляют собой основную форму объединения ученых, существующую над уровнем научных организаций. Таким образом, идея свободного опубликования подспудно направлена на слом структур науки, сложившихся в кейнсианскую эпоху и ранее, в пользу «академического капитализма», при котором постепенно устраняются все коллективные институты, стоящие между научным работником и заинтересованным в результатах его труда капиталом [Талагаева, 2017].

И последний вопрос из этой группы касается «разнообразия» «исследовательской рабочей силы». В данном случае речь идет об интересах университетов, уже перестроившихся на рельсы «академического капитализма», и других организаций, которые выступают не как самоуправляемые ученые сообщества, а как корпорации, лишь номинально сохраняющие некоммерческий статус. В этом смысле, перестав быть организациями, управляемыми своими работниками-учеными, эти корпорации естественно заинтересованы в расширении пула доступных научных кадров, в том числе за счет упоминаемых «женщин» и «исследователей, стоящих на начальных этапах карьеры»² – продвижение последних имеет неизбежным следствием наступление на привилегированное положение старых научных кадров.

Что же касается группы «ключевых вопросов» «исследований и инноваций в бизнесе», то учитывая, что речь идет о политике, они представляют собой программу лоббирования государственных заказов, отталкивающую от опыта пандемии. Первым обозначен вопрос: «Как инновации и исследования в бизнесе смо-

---

¹ OECD. Science, technology and innovation outlook 2021. – Paris: OECD, 2021. – P. 33.

² Ibid.

гут ответить на текущие ситуации неопределенности?»¹ Ответ формулируется следующим образом: «Индустрия может определить области надежного спроса в будущем, как, например, технологии, обеспечивающие экологическую устойчивость, – при условии, что в пакетах субсидий на восстановление будут предусмотрены масштабные обязательства государственного финансирования»². Программа здесь довольно прямолинейная: корпорации намереваются получить государственные субсидии и потратить их на захват рынков, способных, по их прогнозам, в будущем обеспечить спрос на их продукцию.

Второй «ключевой вопрос» заключается в «изменениях в рыночной концентрации, вызванных неравномерным распределением эффекта от пандемии». Речь в данном случае идет о том, что «секторальная инновационная динамика создаст значительный инвестиционный дисбаланс»³. Как известно, очевидный инвестиционный дисбаланс образовался в пользу компаний электронного и фармацевтического секторов, биржевые котировки которых выросли на фоне общего падения^{4, 5}. Выравнивать этот дисбаланс предполагается не за счет субсидирования пострадавших отраслей, а за счет инновационной политики, которая в значительной мере работает на распространение влияния электронных и фармацевтических гигантов, источник монопольной власти которых – во владении «платформами», создающими возможность быстрого внедрения новых продуктов, но только при участии монополистов [Коннов, Талагаева, 2023].

Третий из вопросов – в изменении инновационной политики в «контексте стремления государств усилить свою устойчивость перед шоками»⁶. Речь идет главным образом о медицинском обо-

---

¹ OECD. Science, technology and innovation outlook 2021. – Paris: OECD, 2021. – P. 33.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Rosenbaum N. World's Largest Healthcare Companies 2021: Big pharma and insurers profit through the pandemic // Forbes. – 13.05.2021. – Mode of access: <https://www.forbes.com/sites/leahrosenbaum/2021/05/13/worlds-largest-healthcare-companies-2021-big-pharma-and-insurers-profit-through-the-pandemic/?sh=92490cf72704> (accessed 21.04.2024).

⁵ Ovide S. How Big Tech Won the Pandemic // The New York Times. – 30.04.2021. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2021/04/30/technology/big-tech-pandemic.html> (accessed 21.04.2024).

⁶ OECD. Science, technology and innovation outlook 2021. Paris: OECD, 2021. – P. 33.

рудования и расходных материалах – «средствах личной защиты, аппаратах искусственного дыхания и т.д.»¹. Как главное направление решения проблемы выделяется «сокращение глобальных цепочек ценообразования»², и, учитывая, что хорошо известно: в условиях резко возросшего спроса на продукцию такого рода США и другие западные страны остро ощутили свою зависимость от зарубежной, в первую очередь китайской продукции, – данное сокращение подразумевает локализацию производства и уменьшение доли зарубежных поставщиков. Целенаправленные изменения такого рода, естественно, будут выгодны западным производителям медицинского оборудования, а под «сокращение цепочек ценообразования» попадает вытеснение электронными торговыми площадками традиционных продавцов и посредников.

И последний вопрос касается «эволюции предпринимательства» в условиях «возможностей, возникших вследствие пандемии». В качестве главного примера таких возможностей предлагается «спрос на новые способы взаимодействия в условиях социального дистанцирования», однозначно указывающий на электронные средства коммуникации и, более того, сразу же ассоциирующийся с виртуальной «метавселенной» – постоянно действующим виртуальным пространством для общения, – в связи с переходом к созданию которой Facebook в 2021 г. переименовалась в Meta³. Одновременно в «Перспективах» высказывается надежда, что новыми возможностями смогут воспользоваться «стартапы, а не устоявшиеся предприятия (включая крупных игроков на данном поле)»⁴, однако распространение стартапов как нельзя лучше соответствует интересам тех самых крупных игроков: как показывает опыт, стартапы принимают на себя риски запуска новой продукции, а в редких случаях успеха завершают свою судьбу в качестве приобретений гигантов [Mirowski, 2011].

Если судить по этому набору мер, то «Перспективы» 2021 г. явно нацелены на сосредоточение инновационной политики на работе в интересах выделенного исторического блока. В следую-

---

¹ OECD. Science, technology and innovation outlook 2021. Paris: OECD, 2021. – P. 33.

² Ibid.

³ Деятельность организации запрещена в России.

⁴ OECD. Science, technology and innovation outlook 2021. – Paris: OECD, 2021. – P. 33.

шем же выпуске, увидевшем свет в 2023 г., речь уже идет об открытом указании на его противников на международном поле. Центральная тема здесь – «секьютиризация», под которой понимается «оформление обычных вопросов политики, таких как изменение климата, миграция и возникающие технологии, в вопросы «безопасности»¹. При этом в качестве главной угрозы обозначена утрата технологического лидерства, которое «долгое время служило основой экономического процветания и безопасности стран ОЭСР». Проблема заключается в том, что «лидерство неизбежно подразумевало определенную степень защиты технологий от стратегических конкурентов, но сегодня принятие мер на этом направлении осложняется взаимозависимой и многонациональной структурой современного процесса технологических инноваций»². В этом смысле показательно, что в условиях появления «стратегических конкурентов» вместо расширенного понимания инноваций на первый план вновь выходят технологии. И, что совершенно не типично для документов ОЭСР, открыто называется главный противник: «Хотя Китай и глубоко вовлечен в глобальные цепочки ценообразования и международные научные сети, его нарастающий технологический подъем, который стал возможен благодаря стабильности и возможностям, созданным международным порядком, положил начало новой эре интенсивной стратегической конкуренции»³. Подразумеваемое в этом пассаже обвинение Китая в злоупотреблении преимуществами международного порядка развивается ниже: «Китай ввел в действие широкие меры промышленной политики с целью поддержать “национальных чемпионов” и предпринял поглощения зарубежных компаний с целью сократить технологический разрыв. Но эти меры воспринимаются либеральными рыночными экономистами как искажающие поле конкурентной игры и подрывающие действие правил и норм глобальной экономики»⁴. Характерно, что конкретных обвинений в нарушении каких-либо правил и норм против Китая не выдвигается, но тем не менее шаги, обеспечившие его успех, обозначены как неправомерные.

---

¹ OECD. Science, technology and innovation outlook 2023. – Paris: OECD, 2023. – P. 41.

² Ibid. P. 44.

³ Ibid.

⁴ Ibid. P. 46.

В этом контексте в основу научной и инновационной политики стран ОЭСР предлагается заложить набор мер, нацеленных на «(i) снижение рисков взаимозависимости науки, технологий и инноваций и ограничение распространения технологий; (ii) улучшение работы промышленности с помощью инвестиций в науку, технологии и инновации; и (iii) усиление международных альянсов в области науки, технологий и инновации между экономиками-единомышленницами»¹. Осуществление этих мер означает, по сути, разрушение глобальной экономики (падение мирового ВВП в этом случае прогнозируется на уровне 5%, ЕС – 4%, а «других крупных рынков», за которыми очевидно прочитывается Китай, – 1%²), возрождение национальной промышленной политики, которая ранее была почти полностью вытеснена из оборота как форма протекционизма, и формирование экономических блоков, центрированных на «либеральных экономиках», с одной стороны, и на Китае – с другой.

Перелом тут существенный. Судя по двум выпускам, за период между 2021 и 2023 гг. позиция ОЭСР существенно изменилась. Если в 2021 г. «Перспективы» полностью следовали представлениям о глобальном мире, развивающемся в общем для всех направлении, то в 2023 г. впервые открыто заявляется, что существует группа «экономик-единомышленниц», которым необходимо защитить свое преимущественное положение. Само признание оппозиции уже говорит об ослаблении блока, об утрате им возможности выступать с позиций общих мировых интересов. Неограмшианский же подход требует обратить внимание на то, что любой конфликт имеет одновременно и международное, и национальное измерение и, таким образом, ослабление позиций блока на международной арене должно сопровождаться потерей устойчивости и в национальном контексте.

Появление «промышленной политики» особенно показательно в издании, которое получило свое нынешнее название в результате переименования из «Перспектив науки, технологий и промышленности» в «Перспективы науки, технологий и инноваций» (в 2015 г. аналогичным образом изменилось название

---

¹ OECD. Science, technology and innovation outlook 2023. – Paris: OECD, 2023. – P. 43.

² Ibid. P. 84.

«Управления науки, технологий и инноваций ОЭСР»). К этому моменту «инновационная политика» уже фактически противопоставлялась «промышленной». В рамках глобальной экономики любая поддержка производства интерпретировалась как протекционистские меры, а баланс интересов был таков, что западные страны были настроены соблюдать общий запрет на протекционизм, при условии, что «развивающиеся» страны обязывались поступать так же. В то же время инновации, которые с третьей редакции Руководства Осло перестали быть «технологическими», расценивались не как способ борьбы за существующие рынки, которые в глобальной экономике должны быть открыты для всех, а как создание новых рынков. Страны Запада рассчитывали, что в таком создании нового они смогут сохранять за собой лидирующие позиции благодаря своим научным комплексам, включающим, в том числе, гуманитарный сегмент, из которого произрастают новые «маркетинговые» и «организационные» решения. Собственно, в этом заключалась центральная идея «экономики знаний» [Антохова, Талагаева, 2023].

Такое понимание экономических перспектив и служило основой для формирования исторического блока. Финансовый капитал получал свободу эксплуатировать инвестиционные возможности по всему миру, электронный сектор, деятельность которого служила «парадигмой» для «экономики знаний», продолжал пользоваться привилегированным положением как главный создатель «новых рынков», а научный комплекс, точнее та его часть, которая была вовлечена в процесс создания нового коммерциализируемого знания, мог рассчитывать на обильное финансирование из государственных и частных источников.

Однако продвигаемое последней из упомянутых групп видение, которое лежало, в том числе, и в основе инновационной политики, не оправдало ожиданий. Тот факт, что участники данного исторического блока оказались в экономически преимущественном положении в результате мер, принятых в рамках борьбы с пандемией, многими было воспринят как злоупотребление властным положением, особенно на фоне сильно пострадавшего от этих мер производственного сектора и заметно ухудшившегося состояния западных экономик в целом. И «Перспективы» 2021 г. представляли собой попытку консолидации в ответ на ослабление

позиций – своего рода «удвоение ставок» в ответ на проигрыш в надежде, что старая стратегия все же оправдывает себя.

Но бесперспективность такого пути стала еще более очевидной на фоне успехов главного экономического конкурента – Китая. Утрата доминирующего положения в мире приобрела еще большую отчетливость из-за неспособности НАТО продолжить расширение за счет Украины – конфликт, которой часто упоминается в «Перспективах» 2023 г., хотя основная тема выпуска – это противостояние КНР. В результате к потере экономического первенства добавилась и перспектива утратить мировое доминирование в военной сфере. Безусловно, не стоит недооценивать ни военный, ни экономический потенциал западного альянса, который до сих пор остается единственным в мире оформленным и реально действующим военно-политическим объединением, однако очевидно, что эпоха его безусловного господства закончилась.

Заключение

По сути, все перемены в риторике ОЭСР артикулируют пересмотр состава исторического блока. Исходя из изменений в инновационной политике можно предположить, что более значимую роль в нем будет играть производственный сектор, от которого зависит и экономическое благополучие, и военный потенциал. Его усиление, в свою очередь, способно повлечь за собой относительное снижение влияния финансового капитала и тесно связанного с ним электронного сектора – на ослабление их позиций также указывает раскол глобального мира, главными бенефициарами которого они являлись. В пределах бюрократического класса перемещение акцента на промышленную политику может изменить соотношение сил в пользу руководителей реального сектора, ослабив позиции финансистов и интеллектуалов-«идеологов»: если возникает необходимость в реальном подъеме производства, то специалисты по финансовым показателям и идеологически «прогрессивным» решениям должны уступить место техническим управленцам, понимающим производственные процессы.

В принципе, можно ожидать тенденцию возвращения от комплекса, соединяющего государственные ведомства с финансовыми корпорациями, консультационными фирмами и некоммерческими

организациями (существующими в основном за счет финансовых и электронных гигантов) к формату «военно-промышленного комплекса», который характеризовался «вращающейся дверью», соединяющей производственные предприятия и правительственные структуры. И эта тенденция может повлечь за собой перемены внутри интеллектуальной страты: нарастить влияние смогут технические, в первую очередь инженерные специальности, на которые сейчас наблюдается повышение спроса, и связанные с ними экономические, а ослабнуть – финансовые и гуманитарные (ради которых расширилось понятие инноваций). В этом смысле показательным является появление в «Перспективах» 2023 г. «индустриальной политики». Развитием этой тенденции может стать возвращение в центр внимания «технологических инноваций» и просто технологий взамен предельно широкого понятия инновационной деятельности, а в перспективе – вытеснение «экономики знаний» экономикой производства. Общая тенденция на данный момент выглядит как начало возврата к кейнсианской модели. Однако, учитывая степень взаимозависимости государства и капитала, сложившейся после 2008 г. и влияния «левых» идей в интеллектуальном поле, нельзя исключать движение и в сторону социалистической модели.

Е.А. Antyukhova, V.I. Konnov*
**Current aims of the OECD innovation policy:
a neogramscian analysis¹**

Abstract. The article examines innovation policy, which is essentially an invention of the globalization era, and as such relies mainly on models constructed by international organizations. The primary contributor is the Organization for Economic Cooperation and Development. OECD had a significant influence in the field of innovation policy, as this organization, initially positioning itself as a bloc of the most economically prosperous countries, was able to influence individual states through the prospect of accession, which was seen as the acquisition of a privileged status. Therefore, innovation policy from the very beginning was linked to the interests of countries promoting a new global world

---

* **Antyukhova Ekaterina**, MGIMO University (Moscow, Russia), e-mail: e.antyukhova@gmail.com; **Konnov Vladimir**, MGIMO University (Moscow, Russia), e-mail: v.konnov@inno.mgimo.ru

¹ The article was prepared with support from the Russian Science Foundation, project No. 23-78-10093

order, but by now the situation has changed: globalization is no longer perceived as the optimal way of development and the world is increasingly divided into supporters and opponents of this model. Obviously, this conflict is more complex and unfolds not only in the interstate field, but also within countries, making the internal political situation in many of them tense. This article intends to trace how innovation policy is perceived in this new situation. Whereas in previous decades it was received as part of a certain intellectual mainstream adopted at the level of most governments, now the particularistic interests that it promotes are much more visible. These changes can be traced in OECD documents, which have become much more confrontational in tone in recent years. We propose to evaluate these changes from the perspective of international political economy, in which the Gramscian model of hegemony as a form of organization of economic, political and cultural order plays a defining role. Its value lies in the fact that it makes it possible to consider within one model both interstate and interclass relations unfolding in the global field simultaneously, and at the same time to take into account simultaneously economic, political and cultural aspects of these relations.

Keywords: innovations; knowledge economy; intellectual history; international political economy.

For citation: Antyukhova E.A., Konnov V.I. Current aims of the OECD innovation policy: a neogramscian analysis. *Political science (RU)*. 2024, N 4, P. 217–240. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.04.09>

References

- Antyukhova E.A., Talagaeva D.A. Innovation policy in the OECD: a neo-Gramscian reconstruction. *Nauchnyi dialog*. 2023, N 10, P. 265–287. (In Russ.)
- Barnett W., Samuelson P. An interview with Paul Samuelson. *Macroeconomic dynamics*. 2004, Vol. 8, Iss. 4, P. 519–542.
- Bush V. *Science, the endless frontier*. Washington D.C.: National science foundation, 1960, 220 p.
- Atnashev T., Velizhev M. (eds). *The Cambridge school: theory and practice of intellectual history*. Moscow: New literary review, 2018, 628 p. (In Russ.)
- Carroll P., Kellow A. *The OECD: a decade of transformation: 2011–2021*. Berlin: De Gruyter, 2021, 120 p.
- Cox R. Gramsci, hegemony and international relations. In: Cox R., Sinclair T. (eds). *Approaches to world order*. Cambridge: Cambridge university press, 1996, P. 124–141.
- Gramsci A. Prison notebooks. In: Gramsci A. (ed.). *Selected works in three volumes*. Moscow: Izdatelstvo inostrannoi literatury, 1959, Vol. 3, 565 p. (In Russ.)
- Gramsci A. *Prison notebooks. Part one*. Moscow: Izdatelstvo politicheskoi literatury, 1991, 560 p. (In Russ.)
- Freeman C. *The economics of industrial innovation*. Cambridge: The MIT press, 1982, 250 p.
- Gill S. (ed.). *Gramsci, historical materialism and international relations*. Cambridge: Cambridge university press, 1993, 320 p.
- Konnov V.I., Talagaeva D.A. The concept of “innovations” as a political instrument: from the linear innovation model to the knowledge triangle. *Polis. Political studies*. 2023, N 5, P. 29–44. (In Russ.)

- Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and socialist strategy: towards a radical democratic politics*. New York: Verso, 2001, 198 p.
- Lundvall B.-Å. *Product innovation and user-producer interaction*. Aalborg: Aalborg university press, 1985, 39 p.
- Mirowski P. *The Science-Mart: privatizing American science*. Cambridge: Harvard university press, 2011, 464 p.
- Pass J. *American hegemony in the 21st century: a neo neo-gramscian perspective*. New York: Routledge, 2019, 266 p.
- Salamini L. *The sociology of political praxis: an introduction to Gramsci's theory*. London: Routledge, 2014, 258 p.
- Schmelzer M. *The hegemony of growth. The OECD and the making of the economic growth paradigm*. Cambridge: Cambridge university press, 2016, 396 p.
- Schumpeter J. *The theory of economic development*. New Brunswick: Transaction publishers, 1983, 320 p.
- Skinner Q. *Visions of politics. Volume 1: regarding method*. Cambridge: Cambridge university press, 2002, 225 p.
- Slaughter S., Rhoades L. *Academic capitalism and the new economy*. Baltimore: The John Hopkins university press, 2009, 384 p.
- Talagaeva D. European academic community as a political actor: historical evolution and institutional foundations. *International trends*. 2017, N 2, P. 133–149. (In Russ.)
- Van der Pijl K. *Transnational classes and international relations*. London: Routledge, 1998, 196 p.
- Woodward R. *The organisation for economic co-operation and development (OECD)*. New York: Routledge, 2022, 176 p.

Литература на русском языке

- Антюхова Е.А., Талагаева Д.А. Инновационная политика в деятельности ОЭСР: историческая реконструкция на неограмшианских основаниях // Научный диалог. – 2023. – № 10. – С. 265–287.
- Граммши А. Тюремные тетради // Граммши А. Избранные произведения в трех томах. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. – Т. 3. – 565 с.
- Граммши А. Тюремные тетради. Часть первая. – М.: Издательство политической литературы, 1991. – 560 с.
- Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Т. Атнашев, М. Велижев (сост.). – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 628 с.
- Коннов В.И., Талагаева Д.А. Понятие «инновации» как политический инструмент: от линейной инновационной модели к «треугольнику знаний» // Полис. Политические исследования. – 2023. – № 5. – С. 29–44.
- Талагаева Д.А. Европейское научное сообщество как политический субъект: история формирования и институциональные опоры // Международные процессы. – 2017. – № 2. – С. 133–149.